

ИМПРОВИЗАЦИИ

НОВОГОДНИЙ ШУХЕР ДЛЯ Т.Д.

1983

Под звездой барабанной, холодной, живой
Южный ветер для Габи и глиняный Арним
белый шарф на вершине и столб межевой
где багровые полости — кость под полый
свет из окон нездешних и дым над трубой
инфернальной поварни

вероятность схождения с лестницы в ад
высока как небесный задумчивый взгляд

Дальше пламя. Кивнуть головой не успел.
Развалилась качалка. Я так не хотел.
Развалилась печаль моя. Все же придется
торопиться бывать. Колесо стихотворца
киноварью толченой намажет У Кун
отщепенец бессмертья, задира и лгун.

Воин в синих штанах, Атман розовой ленты,
Я любил в волосах твоих запах луны
среди губ я искал поцелуев моменты
на бескрайних просторах родимой страны.

Там, где в синем трико В. Сорокин на лыжах
обновлял нам декабрьский советский снежок
день за днем становилось нужнее и ближе
то, что делают только в далеком Париже-
ИЗУМРУДНЫЙ РОЖОК.

Да, любимая спичка, сойдутся крюки
двух миров над чернеющим хаосом пепла
чтоб вишневая флейта гробовой доски
над разверстыми чреслами жизни окрепла!

И бетонная бульба лосиных прудов
та, что в спину ввинтилась серебряной речью
пусть ковчежной усладой партийных шнуров
оплетет меня в миг от запястья к предплечью!

Подскользнуться и падать щитом синевы
Терек смрадного голоса в сердце клокочет
Только Шнитке и А. Рабинович правы
Остальное — как хочет.

Мейринк, Мейринк. Бамбуковый гермафродит.
Фобиального Слова парад планетарный.
Сердце осенью пахнет и тихо болит
Акведук ледяной под ногами скользит
и за деревом в шляпах Дюшан и Магрит
то один говорит, то другой говорит
и качается отблеск фонарный.

И кошачьего золотца мягкое «Нет»
в новогоднюю ночь я слышу шуршанье.
Кейдж последнюю ноту сожрал на обед
И на Гласса уставился как на скелет
Лори Андерсон делает скрипке минет
Хрюкнул Коббинг. И Кагель на старости лет
пукнул несколько раз на прощанье.

Две педали души. Две лягушки ушей.
Панитков заблудился в пурге.
Ну скажи мне, зачем среди розовых щей
Монастырский ловил кабаковских лещей
не поняв предварительно сути вещей
и зачем он гонялся за СВЕТОМ ОЧЕЙ
под подушкой с умом в кулаке?

Бибигонов башмак уплывает во мрак
мухомор подрастает в саду
я когда-нибудь сделаю что-то не так
и пускай это будет всего лишь пустяк
вроде ангела смерти, укравшего стяг
впрочем, лужу белка переплывший моряк
тот, что путает лебедя и лебеду
комариные крылья сменив на слюду
словом, самый известный на свете дурак
пусть продолжится в новом году

так, чтоб старые волосы жизни твоей
обновились под снегом сверкающих дней!

Привыкай из дверей выходить навсегда
За спиною — решетка драконьего льда
Впереди — безнадежность пути.
До чего же легки нашей правды лета
до чего ж тяжела нашей лжи суета
тяжелее, чем камень в груди.

Успевай, успевай в пожеланьях своих
постараться вернуться назад
но у входа не стой при свечах золотых
ибо лотосов диски на пнях водяных
неприятно и больно скрипят.

В белых прорезях неба ОРЕЛ и СОВА
промелькнут отраженной горой
для чего так по-нищенски плакать в слова
если есть у тебя на плечах голова
а на ней уже волос седой?

И как в дальний поход нелюбимую дочь
посылай-ка ты на хуй душевную ночь!

.....
.....
.....
.....

посылай-ка ты на хуй любимую дочь
если нечего делать и нечем помочь!

Вереницы сетей из зеленых людей
с белены облетают листочки
я люблю этот дым, что в карманах морей
что огня непонятней и праха мудрей
хоть и страшен он словно архангел НОЗДРЕЙ
у которого только три точки...

Бобби, Бобби, спаси херувима ЗРАЧКА
так ЯЙЦО прокричало, убив СТАРИЧКА.

Рамаджуну новеллы в издательстве «Мир»
поменяем на взгляд пустоты
кресло занял какой-то буддийский кумир
как и левый придел — эротический сыр
тот, что светом валит из малиновых дыр
разделенной, двойной наготы.

А еще издается у нас Р. Музиль
до Ставрова отсюда не больше двух миль
психиатр мне угрюмо сказал
он пошел в туалет и принес мне котлет
чтобы я подкрепился на старости лет
и вообще, чтобы я перестал.

Но забуду ли гимны бесплотных чинов
и стекляшку на Крымской, где из стаканов
пьют коньяк офицеры штабов?

Нет, зачем же, не надо. И вот мы опять

.....
.....
.....
.....

О мудаки! Сколько ж можно тебе повторять
что гораздо умнее все чаще терять
и терять, и терять, и терять.

Я давно уже знаю, что правда — в воде
и в звезде, и в пизде и нигде
я давно уже знаю, что на бороде
у меня умещается все в темноте
и не эти, и эти, и те.

Я сапожника выдумал тут, на углу
чье дыханье заменит Творенья иглу
от Плутона до солнечных пятен.
О, Татьяна, ты любишь в глазах моих мглу?
Серебристый снежок на крещенском полу
и тебе я вообще-то приятен?

Только знаешь ли ты, что я там, вдалеке
лишь ошейник собачий на божьей руке?

Расточитель уснул. Южный ветер подул.
Обрываются Место и Год.
Древний ужас в глазах. Дальний грохот и гул.
Но ведь это все в счет не идет.

Расточитель уснул. Ибо пневмоторакс
просто шутка в ряду радамантовых клякс —
не предсмертная известь во рту.
Иммермановой липы не знает никто
но ведь это же правда и самое То
что похоже на нашу с тобою мечту
Муха с крыльями, словом, на сильном свету
И сарай Эйхендорфа. И мама в аду.
И сестричка в весеннем пальто.
«Ту ле ду».

Что нежнее пустой предзакатной скамьи
на вершине китайской горы?
Пусть немецкий прибор катит волны свои
до азийской холодной поры.

И на склоне времен Исправленьем Имен
тот, кто сердцем своим до конца распрямлен
пусть займется в преддверье своих похорон

да почитет от мыслей и дел своих Он
там, где был он когда-то влюблен и пленен
то ли Агни, занявшим Его небосклон
то ль слоном, перенявшим религию Бон
словом, пусть его примет египетский сон
прежде чем позовет его на балкон
тот, кто выдумал карму, белок и бетон
И Дидон, и Дидон, и Дидон!

Ах, зачем разрушили
Сокольники мои!
Золотое кладбище
Цезаря Кюи!

ре, фа, ля, ре, фа, ля
воскресенье февраля.

ПОСЛАНИЕ В. СОРОКИНУ ПО СЛУЧАЮ ЕГО ДНЯ РОЖДЕНИЯ 1983 года

Подорожала пересылка.

О, Исфаган — дорожная косынка!

Две красных вертикали с записью друзей,
в грязи под лампочкой мы обручились с ней.

Вот батареек россыпь, туши пузырёк
а рядом рамка и кольцо и ваты клочок
булавка воткнута в указанное время
чтобы пространство извергало семя.

Супругам не понравились пейзажи.

О, не скорби, любви не вспоминай!

Обманов нет, сквозь истину однажды
Звонком ночным прорежется трамвай.

Я знал прекрасных китайнок

святое масло знал и шила остроту.

Но что заменит пропасть океана
с гигантским кораблем во рту?

Заменит много что, во-первых гул торпеды
бутон смертельный над водой
а во-вторых — спросить у Бене кеды
в которых был я молодой.

Затем с Володей за стеклом поехать
и в мастерской смотреть на резчика стекла
буддийской скорлупой ореха
разит все то, что сожжено до тла.

Я был когда-то птичкой резвой
кружась над лотосом миров
я созерцал, от страха бесполезный
произведенья наших снов.

Качалка. Леверкюн. Сквозь синее стекло
я голос Маши вспоминаю
и слезы капали, и весело, и зло
там, в глубине — она, а я, напрягшись, с краю.

Меж нами меч лежал. Андропов к власти рвался.
И каждый получил. И каждый надорвался.

Вонзились в грудь мою пять миллионов тел
ножей отточенных на славу
я беспощадности хотел
согласно жадности уставу.

Но в моде был Люти. Английские слова
ты повторять не забывала
ужели ты была права
когда Сорокина читала?

И Хаген слушала, и церкви посещала
за Кастанедой сказки повторяла?

О, суеверный век — Сатурна прах на нем!
Меня ты предала — пустую оболочку!
Теперь я не люблю, теперь я глух и нем
давно пора поставить точку.

Но нет, нельзя, обидится, поди
что мало написал. Эразм, Эразм, гуляка и волшебник!
Когда б не знали мы, что ждет нас впереди!
Здесь все — Жуковские, один лишь только — Хлебник.

Но вот и новое стекло
блестит нездешней синевою
поджарь-ка мне кузнечиков кило
и сливой увенчай изделие домовое.

Ты изучал ли звездный каталог?
Иль птичий? Иль моллюсков роды
ты знаешь ли, Володя, назубок?
Учи животных. Позабудь народы.

Когда я не курил, мне было хорошо.
Теперь мне очень плохо.
Ну, что сказать тебе еще
да, я подонок и пройдоха,

Да, я ублюдок, педераст
и пиздрик гнойный и вонючий
и только тот меня за понюх не продаст
кому не подвернется случай.

Хотел бы я, чтоб ты однажды ночью
со мной поехал в край иной
шизофреническая точность
географически со мной.

Не бойся идиота странствий
он приведет тебя туда
где дует ветер хулиганства
и светит гибели звезда.

Но там уж все, и Шуберт, и Набоков
ведь их отсутствие — залог
свободы лёгкой и широкой
той, что есть жизни эпилог.

Но не совсем я то имел ввиду
когда я звал тебя с собою
я не хотел навлечь беду
на твое тело молодое

лишь дух, один лишь дух — и праздный, и больной
подвержен прелести шальной.

Володя, друг, войди в незримый праздник
Назарьевских ночных полей
ведь был ты в жизни безобразник
признайся, друг, ведь все мечтал о ней

О Франции, да о Париже
в Манхеттен улизнуть хотел
Да ведь Назарьево-то ближе
там добывают цинк и мел.

Там Никаноров начнадзором
и там ты будешь офицер
с твоим-то ростом и с орлиным взором
ты всех возьмешь там на прицел.

И года не пройдет — ты станешь комендантом
500 рублей и северный паёк
да брось ты эту Кришну и Веданту
Окстись, ересиарх, ведь с нами Бог!

Иль может быть тебе по вкусу
другая смертная стезя?
Быть может, любишь ты искусство
так, что забыть его нельзя?

Ну что ж, Сорокин, твое дело
но знай, врата перед тобой
закрыты, и на муки тело
обречено само собой.

Читал о Клаве Барнаульской?
Бардо Тодоль перечитай!
Слова и образ — роды улья
а мысли — гул пчелиных стай!

Смерть — мёд коварный, жизни ртуть
бесформенна. Под властью чисел
проходит наш духовный путь
Бог так велел. И так возвысил

над прахом дольным феномен
ума — возможности вселенной,
что все другое стало тлен
и влага чаши подколенной.

Аорт краснеющих и тонких вен ручки
и нежной кожи эпидермус
они ведь в вечности становятся ничьи
похожи на яйцо и спермус

космических оргазмов и высот
ты не ищи. На Курском есть вокзале
одна скамья. На ней который год
одно и то же заставляли.

Но умолчу. Я — черная катушка.
Иголка я. Пустое поле я.
Успенского с Державиным игрушка
на хладных волнах бытия.

В Сокольники пойдем с тобой скорее
Двух нимф подцепим за подола
Их белых платьев — в глубине аллеи-
там выделяется — как средь имен глаголы -

их белых платьев свет, манящий и живой
пусть усыпит забвеньем неглубоким.
Но что я слышу, друг? Постой!
Гром грянул вдруг. Гроза. Бежим! Промокнем!

Бежим скорее к ним, у них — зонты, у нас
магнитофон японский, модный
советских дев наш западный окрас
возможно, привлечет. Таков удел народный.

Что было дальше, знаешь сам.
Мне вспоминать о том обидно.
Особенно по вечерам
Когда тоскливо и либидно.

Осталось только колесо
Да страх внутри, да смерть снаружи
твое печальное лицо
канавы грязные, да лужи.

Когда ж окончится для нас кастрюльный мор?
Когда вернется Диотима?
Небесных ангелов любезный сердцу хор?
Иль все уже невозвратно?

Невозвратим громадный Кабаков?
Булатов и Васильев невозвратны?
Некрасов где? Где Пригов и Орлов?
Где Коршунов? Где мой билет обратный?

О, юность, о, заря, о, точность телескопа!
Закат навис как гамадрилла жопа!

Но — не тоскуй. Надейся и терпи.
Люби жену и близнецов люби.
Окончишь жизнь в трудах. И, сладко засыпая,
Вдруг успокоишься в долинах первая.

АТРИБУТ

Николаю Семеновичу Паниткову на сорокалетие. 1992

Не бойся, Николай, угаснуть постепенно
В тиши, в бесславии (где магазин «Весна»)
Не бойся пустоты — она по всей вселенной
Разлита и в тебя навечно влюблена!

Ты будешь узнавать среди имен старинных
В девичестве своём фамилию её
Под шведской простотой Таинственных и Длинных
Ты обнаружишь вдруг Последнее Бельё.

Да, жизнь твоя была как бы одни побои
Прогулочный корабль, застрявший в зеркалах.
Там, в жарком Бохуме — китайские герои,
А здесь — зима и снег в Архангельских Ноздрях.

Один, в ночной тиши, там, на проспекте Мира,
Где ваза в Фонаре — Ферритовый Кристалл.
В таинственном саду среди Перекладин Жира
Ты жил, неторопясь, и кое-что поймал.

Они были красны, упруги, простотелы
Чуть кисловатые (как Рассел или Кант)
Но в них вмещались все Системы и Отделы
И тридцать шесть миров, и Надпрестольный Бант.

Тот бант ты развязал, согнувшись под Луною
И положил в карман все тридцать шесть могил
И красненьких жуков, чуть помочив слюною,
На тайные пути, крестясь, благословил.

С тех пор прошло пять лет. Оптические Цели
С грибами сочетав, ПЯТЬ ЗАЙЦЕВ СЕРЕБРА
Ты вырастил опять, хотя уже имели
Мы с ними восемь дел, доведших до добра.

Тем временем жуки на Северных Пластмассах
Образовали Ствол. Влагалищем своим
Ты их вобрал в себя, в проёбанность матрасов
Ты зайцев запихал характером стальным.

Смешался Красный Юг с нефритом ледовитым
И жомою червя ты выдавил на метр
Покрыв главу его ты калом ядовитым
И выполз этот червь еще на километр.

Затем ты грудь лег ему на хвост ворсистый
И обмотал его вокруг себя сто раз
Взял в рот его язык — шершавый и мясистый
И откусил его, и выпил гной из глаз.

И ЗАЙЦЕВ СЕРЕБРА обмазав этим гноем
Ты «Стейпн» их назвал и дал Приказ жукам:
БЕЖАТЬ ОТ МУРМАНСКА ДО НАРЬЯН-МАРА С ВОЕМ
Круша все на пути, кроме тибетских лам.

Вот локоть бронзовый, вот Яуза Урала,
Вот акведук, вот женщины племен,
Вот рижский желтый цвет гагаринского сала
И яйцевидный жук, и зайцы всех времён.

Вот так мелькает все в небытии упругом
Как будто это все ЛИСА И КОЛОБОК
Как будто это все поражено недугом
И обезжирено, превращено в ШНУРОК.

Превращено в ПОДОШВ БОТИНОЧНЫЕ СПЕРМЫ
Превращено в ПРУДЫ, превращено в ПРОТЕЗ
Вращаются миры жуков средь эпидермы
Там, где МАЗАЙ в дыру пиздою не пролез.

Под МАРЛЕЙ ГОЛУБОЙ ты обнажил свой Облик
И Атрибут достал. Пунктиром золотым
Прошита чешуя. Настало время ЛОВЛИ
И ты восстал один, Великим и Святым.

Скользнуло КОЛЕСО, сверкнуло ОГОНЬКАМИ
Ты сел на вездеход, объехал ПУСТОТУ
Ты Атрибут накрепко Его шестью ногами
И бросил в рот А. М. неправды наготу.

Ты называл свой хуй «Андрюшей» почему-то
Особенно когда он чем-нибудь болел
Дрожащею рукой ты гладил лилипута
И говорил: «Андрей, опять ты плохо ел!».

И ты кормил его жуками сквозь урину
Засовывал в Канал — они ползли в Мочу
И что-то бормотал про ОКЕАН и ГЛИНУ
Хотя «Андрей» кричал: «Я больше не хочу!».

Но я отвлекся. Взгляд прикован к Атрибуту.
Ты панцирь чуть прижал — и вот струя огня
Из жопы потекла. Ты подождал минуту
И с силой запустил свой Атрибут в меня.

Он рогом в рот вошел. Я навзничь повалился.
Но глазом наблюдал мой Атрибут: ЛУНУ.
Луна пустила луч. И ты на миг забылся
И мозг твой серебрил ночную пелену.

Но я совсем забыл про зайцев серебристых
По этой пелене они скакали в ряд.
И страшно стало мне от этих шкурок мгlistых
И стал я умирать. И потускнел мой взгляд.

А ты торжествовал. Нагнулся надо мною
И помочил слюной мой бледный, хладный нос
И вытащил жука. И страшно под Луную
Захохотал, но вдруг почувствовал понос.

И начал дико срать, крича, пердя и воя.
От этих возгласов А. М. очнулся, встал
И вынул из груди для следующего боя
Свой новый Атрибут — **ВОНЯЮЩИЙ КРИСТАЛЛ!**

Метнул его в Луну, и зайцы растворились
И спала пелена, и перестал ты срать
И вот тогда-то мы с тобой договорились,
Чтоб больше ничего **НЕ ЧУВСТВОВАТЬ, НЕ ЗНАТЬ.**

Но помни́ть снег и снег, один лишь снег и снежность
Всегда и всюду — снег, со снегом во снегах
Да, помни́ть только снег, снежнящую безбрежность
снег, помни́ть снег в снегу, в кристаллах и в гробах

Снежненность вспоминать, в оснеженность снижаться
ведь в снеге только снег — снегами среди снегов
со снегом навсегда снеговностью сближаться
со снегом, только с ним, из снежных облаков

снегами облаков снежиться бесконечно
снежаться по снегам снегами до снегов
да, только снег и снег, и только снег, и вечно
один лишь снег и снег заснеженных гробов

Все тридцать шесть гробов в снегу могильноснежны
и ноги — это снег, и руки, и живот
Они лишь только снег и снегом белоснежны
и только снегом снег заснеженно живет

И всюду только снег и голова под снегом
и тело на снегу, одежда — это снег
и волосы в снегу и все под снежным небом
под снегом это все заснеженно на век

Снег южный, снег — Восток, зенитный снег, Надира
снег Севера, снег там, снег около, снег тут
Снег — это снег снежка, СНЕЖКОВАННОГО мира
Снегованного сна ВСЕСНЕЖНЫЙ АТРИБУТ.

